

О чем поведала тетрадь

Недавно, наводя порядок в своем журналистском хозяйстве, я обнаружила толстую тетрадь. На обложке лаконичная надпись: «А. И. Куприн». Внизу стояла дата — «1951 г.».

Раскрыла тетрадь и увидела лежащий в ней пожелтевший от времени листок. Развернула — и сердце мое сжала острая боль. Это была выписка из истории болезни (№ 2685) Куприна Александра Ивановича... Здесь же, ниже — патологоанатомический диагноз. Дата — 25/VIII—38 г. В самом конце — подпись прозектора.

Бережно сложила этот печальный листок и приняла к строчкам. Они оказались моими дневниковыми записями, которые я вела 12 лет назад.

Сейчас уже не помню, как возникло у меня желание заняться этими не совсем обычными розысками. Может быть, поводом для них явилась статья в одном московском журнале, где было сказано, что великий русский писатель А. И. Куприн умер в Москве от рака языка. Сведения оказались неверными — никто в Москве Куприна не лечил, и никто его здесь не хоронил.

Вскоре мне представился случай поехать в Ленинград.

...Деятое июня 1951 г. Приехала в Ленинград. Хотелось как можно скорее попасть в Гатчину. Отсюда Куприн эмигрировал в начале революции за границу. Сюда, в Гатчину, мне казалось, он должен был бы вернуться и в 1937 г., после возвращения на Родину.

Еду. Утопающий в зелени городок. Спрашиваю, как попасть на Елизаветинскую улицу. Такой не оказывается. Какой-то старичок подумал и вспомнил: да, так называлась улица до революции, теперь она носит имя Достоевского.

Спутник мой — писатель Н. К. Верзицкий, автор недавно вышедшей книги «Встречи с А. И. Куприным», по памяти находит улицу. Останавливаемся около какого-то заборчика, за которым — цветник. Подходящая женщина сообщает: правильно, именно здесь находился «зеленый домик» Куприных, но он сгорел во время войны. Осталась небольшая пристройка — бывшая дворничья. Женщина вызвалась пропроводить и живущей рядом А. А. Белогруд — близкому другу Куприных, вдове известного ленинградского архитектора.

Из небольшой дачки навстречу вышла высокая полная женщина в старомодном пенсне. Это и была Белогруд. Тогда она заведовала кабинетом искусств в Академии художеств.

Александра Александровна рассказала, что в ее летней даче почти до последних дней жизни находился Александр Иванович вместе с женой Елизаветой Морицевной. Отсюда, когда здоровье ухудшилось, его отвезли в Ленинград в машине скорой помощи.

— Может быть, вспомните — в какую больницу?

— Нет, не помню. Ведь прошло 13 лет! — ответила Белогруд.

Хотелось скорее попасть в дом, походить по комнатам, где жил Куприн, посмотреть вещи, которыми он пользовался. Но, к сожалению, почти ничего не осталось...

Из домика отравившись в сад, густо заросший кустами. Здесь был небольшой пруд, в нем некогда плавали всевозможные рыбки. Александр Иванович любил сидеть на скамеечке около этого пруда. С болезненно-нежным чувством относился он к стоящему рядом кусту сирени, подолгу не сводил с него глаз и, жадно вдыхая аромат тяжелых гроздьев, притрагивался к ним исхудавшими пальцами.

Елизавета Морицевна не отходила от мужа. Она все время держала его руку в своей руке.

Врачи, боясь кровоизлияния в мозг, запретили Куприну читать, а писать он давно уже не мог. Жена читала вслух, а больше рассказывала о прочитанном.

Когда мы сидели в саду, мимо пробежала кошка с необычно пушистой шерстью удивительно пестрой окраски. Это была «дочка» знаменитой «Ю-Ю», о которой Куприн написал чудесный рассказ.

Во время нашего разговора в сад вошла женщина. В ее облике было что-то чужанское. Она оказалась Настасьей Давыдовной Щербовой — вдовой знаменитого художника, друга Куприна.

Я с радостью приняла приглашение посетить ее большой дом. Здесь подолгу находился и работал Куприн до революции, еще до своего постоянного обоснования в Гатчине. Когда летом 1938 г. он появился там (после возвращения из Парижа Куприн первое время жил в Москве и Подмоскovie), то прежде всего пришел в дом Щербовых. Хотел поселиться здесь. Александра Александровна Белогруд, случайно сюда зашедшая, отговорила: Куприну труднее было бы с высокой лестницы спускаться в сад, чем с небольшого крылечка ее дома.

Я не удержалась, обошла весь дом. В центре его находился огромный холл с большими каминами. Здесь проводили время за угощениями и беседами гости Щербовых; среди них были Горький, Шаляпин, Собинов.

Сад вокруг дома тоже был произведением искусства. Кусты и деревья были специально отобраны взыскательным хозяином и расположены с большим вкусом.

На обратном пути от Щербовой снова зашла и Белогруд. Хотелось еще и еще послушать ее рассказы о Куприных.

Елизавета Морицевна после смерти мужа жила в Ленинграде в отдельной трехкомнатной квартире на Лесном проспекте. Много и часто писала в Москву Наталье Николаевне Егоровой, женщине, которая воспитывала маленького Алешу — внука Куприна от старшей дочери первой жены. Мать Алешы трагически погибла в 1924 г. Елизавета Морицевна, чтя память мужа, поддерживала с внуком писателя и его мачехой тесную связь.

К сожалению, Алеша, будучи на фронте, не смог найти Елизавету Морицевну, когда бывал в Ленинграде.

Потеряв мужа, она оказалась оторванной и от горячо любимой дочери, оставшейся в Париже, которой военные события не давали возможности вернуться в Советский Союз.

К. А. Куприна вернулась на Родину только в 1958 г. Сейчас она актриса Московского театра имени А. С. Пушкина.

Разыскать больницу, где умер А. И. Куприн, было невероятно трудно. В институте скорой помощи мне сказали: именно у нас прошли последние дни и часы писателя Куприна. Здесь я встретилась с врачом С. Б. Будзинской-Соколовой. В 1938 г. она была здесь ординатором и лечащим врачом Куприна.

Куприн уже не мог разговаривать. Только жена как-то догадывалась, что ему нужно. Очевидно, в это же время произошло и кровоизлияние в мозг, что привело к потере речи.

Сильно истощенный Куприн был так слаб, что не мог поднять руки. И все-таки в благодарность за внимательный уход он однажды сделал попытку поцеловать руку врача. Такова сила привычки и воспитания...

Вот о чем мне поведала тетрадка с лаконичной надписью: «А. И. Куприн».

Э. МЕДВЕДОВСКАЯ.

30 AUG 1963

ОБЩАЯ ТАРЕЖКА
г. МОСКВА